

Рене Генон

К Единству

Перевод с французского

Минский корпус Рене Генона
guenon.ru
2026

Оригинал: René Guénon. Vers l'Unité, mars 1927, article signé René Guénon
(год издания: 1927).

Редакция перевода от 05.10.2026.

Текст на сайте с параллельным французским оригиналом:
https://guenon.ru/1927_VU.html

Электронное издание. Минский корпус Рене Генона
Файл сформирован 13.10.2026.

Содержание

Проект Жозефа де Местра по объединению народов	5
--	---

Проект Жозефа де Местра по объединению народов¹

Г-н Эмиль Дерменгем, которому мы уже обязаны замечательной работой *Joseph de Maistre mystique*, издал неопубликованную ранее рукопись де Местра: это памятная записка, за 1782 год, адресованная герцогу Фердинанду Брауншвейгскому (*Eques a Victoria*), гранд-мастеру исправленного шотландского устава по случаю собрания Вильгельмсбадской ложи. В сентябре 1780 герцог Фердинанд, желая «принести порядок и мудрость в масонскую анархию», направил всем ложам своего подчинения следующие вопросы:

1. Происходит ли орден из древнего общества, и, если да, что это за общество?
1. Существуют ли Неизвестные Верховные, и, если да, то кто они?
1. Какова истинная цель Ордена?
1. Состоит ли эта цель в восстановлении Ордена Тамплиеров?
1. Как должны быть организованы церемонии и обряды чтобы быть наиболее совершенными?
1. Должен ли орден заниматься тайными науками?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, Жозеф де Местр написал особую записку, отличную от общего ответа ложи «Совершенная искренность» из Шамбери, к которой он принадлежал. Где он, в своём качестве «Великого профессора»

¹ Опубликовано в *Vers l'Unité*, март 1927. Позже статья была опубликована в книге «Масонство и Компаньонаж. Том 1» (1964) под тем же заголовком. Кроме того, статья была перепечатана в журнале «Исследования Традиции» в номере за апрель-май 1952.

или члена самой высокой ступени Исправленного Шотландского Устава (под именем Рыцаря Цветов), пытался выразить «взгляды некоторых Братьев, более счастливых, чем другие, которые, кажется, предназначены созерцать истины более высокого порядка»; этот меморандум является, как говорит господин Дерменгем, «первым важным произведением, вышедшим из его пера».

Жозеф де Местр не признает тамплиерского происхождения Масонства и недооценивает важность этого вопроса; он даже пишет: «Значит ли что-то для вселенной уничтожение Ордена Т.?». Но это как раз значит очень многое, поскольку именно отсюда начинается разрыв Запада со своей собственной инициатической традицией, являющийся, по сути, первопричиной интеллектуального отклонения современного мира; это отклонение начинается раньше Ренессанса, который отмечает в этом отношении только один из принципиальных этапов, и начальную точку этого разрыва нужно искать именно в XIV веке. Жозеф де Местр, к тому же, имел достаточно поверхностное понимание Средневековья и не знал о средствах передачи инициатического учения или о представителях истинной духовной иерархии; он тем не менее чётко утверждал существование и того и другого, что уже значительно, потому что нужно хорошо понимать, какой была ситуация многих масонских организаций в конце XVIII века, включая те, которые претендовали на реальную инициацию своих членов и не ограничивались только внешней формальностью: все они стремились связаться с чем-то, точная природа чего была им неизвестна, вновь обрести традицию, знаки которой все ещё существовали повсюду, но чей принцип был утерян; никто уже более не обладал «истинными чертами», как говорилось тогда, и ложа в Вильгельмсбаде была попыткой восстановить порядок среди хаоса Ритуалов и степеней. «Конечно, — говорит Жозеф де Местр, — Орден не мог начаться с того, что мы видим. Все указывает на то, что вульгарное Франк-Масонство — это отделённая, и, возможно, искажённая ветвь древнего и уважа-

емого ствола». Это совершенно верно, но как узнать, каким был этот ствол? Он цитирует отрывок из английской книги, где речь идёт о некоторых братствах строителей, и добавляет: «Примечательно, что время их основания совпадает с разрушением Т.» Это замечание могло бы открыть ему другие горизонты, и удивительно, что оно не подтолкнуло его к глубокому размышлению, тем более что сам факт его написания мало соответствует тому, что ему предшествовало; добавим также, что это относится только к одной стороне чрезвычайно сложной проблемы происхождения Массонства.

Другой аспект этого же вопроса представлен попытками связать Массонство с древними мистериями: «Самые опытные братья нашего Устава думают, что есть веские основания считать, что истинное Массонство — это наука о человеке *par excellence*, то есть знание его происхождения и назначения. Некоторые добавляют, что эта наука в сущности не отличается от древнегреческой или египетской инициации». Де Местр возражает, что невозможно точно знать, чем были эти древние мистерии и чему в них научались, и, кажется, что он имеет относительно скромное представление об этом, что может быть ещё более удивительным, чем аналогичная позиция, которую он занял в отношении Тамплиеров. В самом деле, в то время как он не колеблется утверждать очень правильно, что у всех народов есть «остатки первоначальной Традиции», как он не должен был прийти к мысли, что главной целью мистерий должно было быть ничто иное как сохранение этой самой Традиции? И тем не менее, в некотором смысле он признает, что инициация, наследуемая Массонством, берёт своё начало «от начала вещей», от начала мира. «Истинной религии уже гораздо более восемнадцати веков: она появилась в день когда начались дни». И здесь снова от него ускользает понимание средств передачи, и выглядит так будто он слишком легко мирится с этим неведением. Впрочем, стоит отметить, что

к моменту написания этой записки ему было всего лишь 29 лет.

Ответ на другой вопрос ещё раз доказывает, что инициация Жозефа де Местра, несмотря на его высокий градус, была далека от совершенства; и сколько других масонов на самых высоких градусах, раньше и сейчас, находятся в точно таком же положении или даже являются ещё менее осведомлёнными! Мы говорим о его комментарии к вопросу «Неизвестных Верховных»: «У нас есть мастера? Нет, у нас их нет. Доказательство короткое, но решительное. Мы их не знаем. ... Как мы могли бы принять какое-то неявное обязательство перед сокрытыми верховными, если в случае, когда бы они показали себя, мы, возможно, не одобрили бы их, и мы бы отступили?» Очевидно, он не знает, о чём на самом деле идёт речь, и каким может быть способ действия настоящих «Неизвестных Верховных»; что же касается того факта, что они не были известны даже руководству Масонства, то все, что он доказывает, это что реальная связь с истинной инициатической иерархией больше не существовала, и отказ от признания этих верховных должен был уничтожить последний шанс восстановить её.

Самая интересная часть меморандума есть безусловно та, что содержит ответы на последние два вопроса, и сначала следует отметить то, что касается церемоний. Жозеф де Местр, для которого «форма — это большое дело», тем не менее не говорит о сущностно символическом характере ритуала и его инициатической значимости, что есть весьма досадное умолчание. Однако он настаивает на том, что можно было бы назвать практической ценностью этого же ритуала, и то, что он говорит, имеет большую психологическую истинность: «Тридцать или сорок человек в одинаковых одеждах, молча стоящие вдоль стен, покрытых чёрной или зелёной тканью, разговаривающие только по разрешению, мудро обдумают всё, что им будет предложено. Но снимите гобелены и одежды, погасите свечи, расставьте сиденья хаотично — вы как они сразу объединятся в кучки, перестанут

понимать друг друга или станут говорить о газетах и женщинах; и самый разумный член общества вернется домой, не поняв, что он вёл себя как профан. ... Давайте прежде всего воздерживаться от отмены клятвы, как то предлагали некоторые, может быть, с добрыми намерениями, но без полного понимания. Теологи, которые пытались доказать, что наша клятва незаконна, ошибались. Действительно, гражданская власть может требовать и брать клятву лишь в различных актах общества; но у разумного существа нельзя оспорить право заверять клятвой внутреннее решение своей свободной воли. Суверен имеет власть только над действиями. Моя рука принадлежит ему; моя воля — мне».

Затем следует своеобразный план работ для различных градусов, каждая из которых должна иметь свою особую цель, и именно это мы хотим здесь особенно подчеркнуть. Однако, прежде всего, необходимо развеять недопонимание. Поскольку деление, принятое Жозефом де Местром, предусматривает только три степени, г-н Дерменгем, похоже, понял, что в его намерение входило сократить Масонство до трёх символических градусов; такая интерпретация несовместима с самой конституцией Исправленного шотландского устава, который обязателен для ритуалов высоких градусов. Месье Дерменгем не заметил, что Жозеф де Местр писал «градусы или классы»; действительно, речь идёт о трёх классах, каждый из которых может подразделяться, в свою очередь, на несколько соответствующих градусов. Распределение, по-видимому, выглядит следующим образом: первый класс включает три символических градуса; второй класс соответствует степеням, из которых наиболее важной, и, возможно, единственной, используемой на практике, в Исправленном шотландском уставе, является градус Великого Рыцаря святого Андрея Первозванного; наконец, третий класс состоит из высших степеней Послушника, Эсквайра и Гранд Профессора [*Profès*] или Благотельного Рыцаря Святого Града. То, что сказанное надо понимать именно так, ещё раз доказывается тем, что, говоря о работах третьего класса, де

Местр восклицает: «Какое широкое поле открыто для усердия и настойчивости G.P.!» Он, очевидно, говорит о Гранд Профессорах, к которым он сам относился, а не о простых мастерах «Голубой ложи»; поэтому здесь никак не идёт речь об устранении высоких степеней, а наоборот, о том, чтобы дать им цели, соответствующие их характеру.

Цель, назначаемая первому классу, в первую очередь, заключается в практике благотворительности, «которая должна быть *явной* целью всего Ордена»; но этого недостаточно, и нужно добавить ещё одну цель, уже более интеллектуальную: «На первом градусе не только формируется сердце масона, но и освещается его дух, применяясь к изучению морали и политики, которая является моралью государств. В ложах будут обсуждаться интересные вопросы об этих двух науках, и даже время от времени будут запрашиваться мнения братьев письменно... Но основной задачей братьев будет прежде всего получить глубокое знание о своей родине, о её достижениях и недостатках, о причинах бедствий и возможностях восстановления».

«Второй класс Масонства, согласно предложенной системе, должен иметь целью обучение правительств и объединение всех христианских сект». Касательно первого пункта: «будет уделено неотступное внимание устранению всех воздвигаемых страстями препятствий, преграждающих путь истины к ушам власти. ... Границы государства не могут ограничивать деятельность этого второго класса, и братья из разных наций могут иногда, согласовав свои усилия, достичь великих успехов». И о второй цели: «Разве это не достойно нас — поставить перед собой целью продвижение христианства как одну из целей нашего Ордена? Этот проект будет иметь две части, поскольку каждая церковь должна работать сама по себе и одновременно работать на сближение с другими. ... Необходимо установить комитеты переписки, состоящие главным образом из священников разных верований, которых мы будем инкорпорировать и инициировать. Мы будем работать медленно, но верно. Мы не пред-

примем никакого завоевания, которое не будет способствовать совершенствованию великого делания. ... Все, что может способствовать продвижению религии, уничтожению опасных убеждений, одним словом — возвышению престола истины над руинами суеверия и пирронизма, будет относиться к компетенции этого класса».

Наконец, у третьего класса будет цель, которую Жозеф де Местр называет «трансцендентным христианством», которое, для него, является «откровением откровения» и составляет сущностную часть ранее упомянутых этих «тайных наук», на которые он намекает при изложении второго вопроса; таким образом, можно будет «найти решение нескольких трудных вопросов в знаниях, которыми мы уже владеем». Он уточняет:

«братья, принятые в верхний класс, будут иметь целью своих исследований и самых глубоких размышлений поиск фактов и метафизических знаний. ... В обоих Заветах всё сказано тайно, и избранники одного и другого закона были никем иными как *истинными посвящёнными*. Итак, нам нужно обратиться к этому почитаемому Древнему времени и спросить у него, как оно понимало *священные аллегории*. Кто может сомневаться, что такие исследования дадут нам победоносное оружие против современных писателей, которые упорно видят в Писании лишь буквальный смысл? Они уже опровергнуты одним только выражением «Таинства Религии», которое мы используем каждый день, не понимая его смысла. Слово «тайна» изначально означало истину, скрытую под символической формой, которой владели те, кто её обладал».

Нельзя ли более ясно и явно утверждать существование эзотеризма как такового и христианского эзотеризма в частности? В подтверждение этого утверждения приводятся различные цитаты из церковных и еврейских авторов, взятых из *Monde Primitif* Курта де Жебелина. В этой обширной области исследований каждый найдет занятие в соответствии со своими способностями:

«Пусть одни храбро погружаются в исследования в русле эрудиции, которые могут умножить наши квалификации и прояснить те, что у нас уже есть. Другие, кого их дух зовёт к метафизическому созерцанию, ищут в самой природе вещей доказательства нашего учения. И наконец, пусть третьи (и да благоволит Бог, чтобы их было много!) расскажут нам, что они узнали от этого Духа, который дышит, где хочет и как хочет».

И обращение к непосредственному вдохновению, выраженное в этой последней фразе, не есть здесь нечто второстепенное.

Этот проект никогда не был реализован, и даже неизвестно был ли герцог Брауншвейгский осведомлён о нём; тем не менее, он не настолько фантастичен, как многие могут подумать, и мы считаем, что он очень подходит для вызова интересных размышлений как сегодня, так и в то время, когда он был создан: поэтому мы решили дать достаточно большие выдержки. В общем, основная идея заключается в следующем: ни в коей мере не претендуя на отрицание или подавление национальных различий и особенностей, которые, наоборот, необходимо осознавать как можно глубже, несмотря на то, что утверждают нынешние интернационалисты, нужно восстановить наднациональное, а не межнациональное единство древнего христианства, единство уничтоженное множественными сектами, которые «разорвали бесшовную ризу^А», а затем поднять его до универсального, реализуя Католичество в истинном смысле этого слова, так же, как говорил Вронский, считавший, что Католичество будет иметь полностью действительную реальность только когда оно сумеет включить в себя традиции, содержащиеся в священных книгах всех народов. Особенно важно отметить, что союз, как его видит Жозеф де Местр, должен быть достигнут прежде всего в чисто интеллектуальной области; мы также всегда утверждали это с нашей стороны, потому что мы счи-

^А Ин. 19:23-24 — прим. пер.

таем, что между народами, особенно теми, кто принадлежит к разным цивилизациям, не может быть настоящего понимания, кроме основанного на принципах, в точном смысле этого слова. Без этой строгой доктринальной основы не может быть построено ничего прочного; все политические и экономические начинания всегда будут в этом отношении бессильны не менее чем эмоциональные соображения, тогда как, если достигнуто согласие в принципах, согласие во всех остальных областях должно быть неизбежным результатом.

Безусловно, Масонство конца XVIII века уже не обладало всем необходимым для выполнения этого «Великого Дела», некоторые условия которого, скорее всего, ускользали от самого Жозефа де Местра. Можно ли сказать, что подобный план никогда не будет предпринят в какой-либо форме, организацией, обладающей действительно инициативским характером и обладающей «нитью Ариадны», которая позволит ей ориентироваться в лабиринте бесчисленных форм, под которыми скрыта единая Традиция, чтобы найти наконец «утраченное слово» и вывести «Свет из Тьмы, Порядок из Хаоса»? Мы не желаем ничего предрекать, но некоторые признаки позволяют думать, что, несмотря на неблагоприятные внешние обстоятельства в настоящем мире, это быть может не является вовсе немыслимым; и мы закончим, процитировав немного пророческую фразу, снова относящуюся к Жозефу де Местру, из второй беседы Санкт-Петербургских вечеров: «Мы должны быть готовы к огромному событию в божественном порядке, к которому мы движемся с нарастающей скоростью, которое должно поразить всех наблюдателей. Грозные оракулы уже объявили: "Время настало"».